

Дитер ЛАНГЕВИШЕ

ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА? ЭВОЛЮЦИЯ ФЕНОМЕНА ВОЙНЫ И ЕЕ ЛЕГИТИМАЦИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ¹

Говоря о войне, наши современники, как правило, имеют в виду ту ее форму, которая окончательно сложилась в годы Второй мировой войны. Кажется, что эта война затмила весь предшествующий исторический опыт. Наиболее характерная для этого типа войн черта, которая, казалось, была преодолена в межгосударственных военных конфликтах Нового времени (“война государств”), распространилась по всему земному шару. Речь идет о размывании границ между гражданским населением и сражающимися. Война против гражданского населения становится целью, которую сознательно преследуют воюющие стороны, а порой и просто средством, к которому прибегают по разным соображениям. Вторая мировая война, как никакая другая, способствовала стиранию границы между фронтом и тылом. Эту границу до сих пор не удается восстановить. Одновременно, как мне кажется, она ста-

^{*} Перевод с немецкого А. Каплуновского.

¹ Эта статья написана в рамках междисциплинарного проекта “Опыт войны” (*Sonderforschungsbereich “Kriegserfahrung”*) Тюбингенского университета (Германия). Она была впервые представлена и обсуждена в кругу коллег в Тюбингене, а позднее прочитана как доклад в Институте Европейской Истории г. Майнц во время торжеств, посвященных 65-летию проф. Мартина Фогта.

ла последней точкой в длительном процессе превращения войны в государственную монополию. Монополия государства на войну – явление Новой истории. Правда, эта монополия никогда не была абсолютно полной, и с момента окончания Второй мировой войны начался обратный процесс демонаполизации.² “Война XXI века”, объявленная североамериканским президентом Дж. Бушем-младшим в ответ на террористические акты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне и поддержанная правительствами многих стран, в том числе и России, кроме всего прочего, является стратегической попыткой вернуть государственную монополию на войну.

Цифры недвусмысленно подтверждают драматические изменения феномена войны начиная с середины XX в. Конец Второй мировой войны явился исторической цезурой. Международная война, т.е. война между государствами, до этого момента превалировала над внутренней войной, т.е. войной гражданской. После 1945 г. соотношение между этими двумя типами войны в корне изменилось. Количество войн, которые ведутся одним государством против другого, сократилось и продолжает уменьшаться, в то время как общее число войн драматически увеличивается за счет внутренних конфликтов. Я бы сказал, что начиная со второй половины XX в. война играет существенную роль в динамике развития мирового сообщества. Глобально война относится к динамически развивающимся феноменам, и этот вывод совершенно очевиден для представителей социальных наук, занимающихся мониторингом и изучением войн и конфликтов.³ Итоги этих исследований я

² Обзор процесса формирования современной государственности и связанного с ней огосударствления войны содержится у W. Reinhard. *Geschichte der Staatsgewalt. München, 2000.* Рейнхард (*Reinhard*) указывает также и на новую тенденцию, которая, начиная с середины XX в., обращает вспять этот процесс монополизации военной власти государством.

³ См. статистические материалы и специальную литературу, в особенности: K. J. Gantzel, T. Schwinghammer. *Die Kriege nach dem Zweiten Weltkrieg 1945 bis 1992. Daten und Tendenzen (Kriege u. militante Konflikte, Bd. 1).* Münster, 1995; K. J. Gantzel. *Tolstoi statt Clausewitz!? Überlegungen zum Verhältnis von Staat und Krieg seit 1816 mittels statistischer Beobachtungen / R. Steinweg (Red.). Kriegsursachen (Friedensanalysen 21).* Frankfurt/M., 1987. S. 25-97. Несколько иные оценки содержатся в ежегодных “*Konfliktbarometer*” Гейдельбергского Института изучения международных конфликтов (*Heidelberger Institut für Internationale Konfliktforschung e.V.*), с которыми можно познакомиться также в Интернете: <http://www.hiik.de>. Основополагающая пионерская работа, уникальная также по числу анализируемых войн: L. F. Richardson. *Statistics of Deadly Quarrels / Edited by Quincy Wright and C. C. Lienau.* Pittsburgh; Chicago, 1960.

хотел бы рассмотреть в первой части своей статьи, чтобы затем во второй части обозначить исторические траектории развития феномена войны и ее легитимации.

I.

Опыт военной истории все еще невелик, особенно в сравнении с достижениями смежных дисциплин, прежде всего политологии и социологии, этнологии и религиоведения, а также эволюционной биологии. Для военного историка эти дисциплины могли бы представлять двойной интерес. С одной стороны, они изучают вневременные явления — антропологические константы в отношении человека к войне. С другой стороны, выводы и обобщения в этих дисциплинах делаются с учетом исторического развития. Однако обобщения и закономерности у историков, как правило, большей популярностью не пользуются. История, в чем убеждено большинство историков, не управляется вневременными, антропологическими поведенческими стереотипами и не подчиняется социальным закономерностям ограниченной продолжительности. Тем не менее, историку имеет смысл обратиться к фактическому багажу и оригинальным интерпретациям, которые накоплены в смежных специальностях, в особенности, когда речь идет о столь стабильном факторе, формирующем существо человека, как война.

Вначале несколько замечаний о вневременных базисных стереотипах в отношении человека к войне — о том, что историки так охотно оставляют за скобками своего повествования. Внимание к упомянутым базисным стереотипам не лишает нас возможности изучать отдельно взятую войну со всеми ее специфическими особенностями. В то же время это позволяет увидеть те механизмы и формы поведения, которые очевидно имеют тенденцию к повторению, изменению и приспособлению.

При обращении к литературе нельзя не заметить, что иная попытка осознания родовых признаков человеческого существа ведет к таким выводам, банальность которых настолько же пугает, насколько обнажает их полную аналитическую непригодность. Тем не менее, даже историки не застрахованы от соблазна генерализаций и предлагают свои универсальные объяснения. В качестве примера можно привести последнюю книгу одного из самых именитых военных историков современности, профессора Иерусалимского Еврейского университета Мартина ван Кревелда (*Martin van Creveld*) “Будущее войны” (*Die Zukunft*

des Kriegeres в немецком переводе).⁴ Он пытается представить всемирную историю войн на основе критического применения наиболее известной военной теории – теории Клаузевица (*Clausewitz*). Книга ван Кревелда двойственна по своей структуре: с одной стороны, это история войны, а с другой – антропология войны. Таким образом, феномен войны одновременно рассматривается в развитии и во вневременной устойчивости. В конечном итоге этот многообещающий проект нельзя признать удачным, поскольку вневременное и внеисторическое оказывается в центре внимания автора, воплощаясь в тезисе о том, что войны всегда были и будут. Почему? Ответ ван Кревелда ошеломляюще прост и сводится к одному предложению: мужчины любят сражения, а женщины любят воинственных мужчин.⁵ Следуя смыслу этого откровения, войны будут вестись также и в будущем, т.к., по словам ван Кревелда, “совершенно очевидно, что война есть жизнь”. А точнее: война — это жизнь во всех ее проявлениях, т.к. только война требует “использования всех способностей человека”.⁶

Однако вышеприведенные сентенции, отдающие “кухонной философией,” звучат иначе в контексте антропологических исследований. Совершенно очевидно, что коллективное убийство (а войну можно определять и так) остается неизменным в своих культурных предпосылках, несмотря на все перемены в способах ведения войны и ее легитимации.⁷ Как считает религиовед Буркхард Гладигов (*Burkhard Gladigow*), “систематическое, коллективное убийство членов своего вида”, наряду с другими параметрами, отличает человека от остальных видов живых существ. Поэтому в качестве возможного родового названия человека Гладигов предлагает *homo publice necans*. Ориентиру-

⁴ Американское название книги “The Transformation of War”.

⁵ M. van Crefeld. Die Zukunft des Krieges. Mit einem Vorwort von Peter Waldmann. München, 1998. (The Transformation of War. New York, 1991), см. в особенности С. 322.

⁶ Там же. С. 331.

⁷ См.: B. Gladigow. Homo publice necans. Kulturelle Bedingungen kollektiven Tötens // Saeculum. 1986, N. 37. Pp. 150-165; H. von Stietencron, J. Rüpke (Hg.). Töten im Krieg. Freiburg-München, 1995; M. Fried, M. Harris, R. Murphy (Hg.). Der Krieg. Zur Anthropologie der Aggression und des bewaffneten Konflikts. Frankfurt/M., 1971 (New York, 1967); R. B. Ferguson (Ed.). Warfare, Culture, and Environment. New York, 1984; M. Fried, M. Harris, R. Morphy (Eds.). The Anthropology of Armed Conflict and Aggression. New York, 1967. Подробно о войне в средние века см.: H. Brunner (Hg.). Der Krieg im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit: Gründe, Begründungen, Bilder, Bräuche, Recht. Wiesbaden, 1999; H.-H. Kortüm (Hg.). Krieg im Mittelalter. Berlin, 2001.

ясь на этот родовой признак, этнология и эволюционная биология породили теории, в которых специфическая способность человека к агрессии в форме военного насилия выводится из культурных предпосылок, основанных на генетических диспозициях.⁸ Таким образом, война предстает не как генетически *предустановленное*, а как *возможное* по генетическим основаниям культурное действие, служащее достижению определенных целей, которые в свою очередь, имеют культурные корни. Хотя спектр военных целей огромен, в этом спектре очевидны повторяющиеся элементы, среди которых на первом месте стоит борьба за ресурсы, и прежде всего – за территорию и население.

Чтобы оправдать обращение к войне как к средству достижения этих целей, нужно добиться индивидуальной и коллективной готовности к убийству других и собственной готовности умереть от руки врага. Инструменты, употребляемые для преодоления сдерживающих механизмов убийства и самопожертвования, зависят от конкретных обстоятельств, однако и здесь наблюдаются закономерности, встречающиеся в истории совершенно различных культур и политических систем. Наше богатое воображение, подобно фантазии наших предков, неизменно ограничено, когда дело касается мобилизации людей на убийство и самопожертвование. Обязательным условием здесь остается дегуманизация группы, определяемой как “враг”. В биологии есть понятие псевдоклассификации видов: внутри одного вида, в нашем случае человеческого, противник рисуется так, что он предстает врагом собственного вида. Тем самым достигается оправдание убийства врага и использование для этого средств, которые до того рассматривались как нелегитимные и античеловеческие.

Приведу один пример: в ходе войн западноевропейский рыцарский кодекс чести распространялся прежде всего на противников из собственного сословия, на социально равнозначных. Однако к врагу, происходившему из неблагородного сословия, стоявшему рангом ниже на социальной лестнице, применялись совсем иные моральные правила, в особенности, если речь шла об уничтожении культурных и религиозных чужаков, нехристиан или еретиков и отступников в собственных религиозных рядах.⁹ В войне против язычников и еретиков, во время

⁸ См.: E. Orywal. Krieg als Konfliktaustragungsstrategie – Zur Plausibilität von Kriegsursachentheorien aus kognitionstheoretischer Sicht // Zeitschrift für Ethnologie. 1996, N. 121. S. 1-48; T. von Trotha (Hg.). Soziologie der Gewalt. Opladen, Wiesbaden, 1997.

⁹ См. в качестве обзора L. Auer. Formen des Krieges im abendländischen Mittelalter //

крестовых походов, действовали иные правила: “если речь шла о *causa fidei*, то почти все средства были хороши”.¹⁰ Распознать в противнике-христианине “басурмана” (в переносном смысле) означало исключить его из культурного круга тех лиц, которые даже в войне могли претендовать на соблюдение по отношению к ним правил морали.¹¹ Конструирование расовой иерархии служило позднее той же самой цели дегуманизации противника и обоснования жестоких форм его уничтожения, выходящих за пределы дозволенного военными правилами.

Вытеснение врага с “территории” действия законов своего рода, в целях обоснования готовности пренебречь выработанными своей культурой запретами, является, по всей очевидности, вневременным поведенческим стереотипом. Изменчивой остается лишь конструкция чужого, который исключается из ценностного сообщества и теряет культурно-правовую защиту, т.е. выходит за рамки правил, продолжающих действовать в сообществе и в период войны.

Другой пример — колониальные войны, в ходе которых европейцы ощутили свое право вести войну, по типу предвосхитившую “войны общественного уничтожения” (*Kriege der gesellschaftlichen Vernichtung*)¹² на европейском континенте в двадцатом столетии. С другой стороны, европейцы опасались того, что “дикари”, выражаясь

M. Rauchensteiner, E. A. Schmidl (Hg.). *Formen des Krieges. Vom Mittelalter zum “Low-Intensity-Conflict”*. Graz u.a., 1991. S. 17-43, в особенности S. 24 и след.; G. Kretschmar. *Der heilige Krieg in christlicher Sicht // Rürke Stietencron (Hg.). Töten*. S. 297-316; итог состояния последних исследований с анализом их перспектив: Н.-Н. Кортум. *Der Krieg im Mittelalter als Gegenstand der Historischen Kulturwissenschaften. Versuch einer Annäherung // Он же (Hg.). Krieg im Mittelalter*. Berlin, 2001. S. 13-43.

¹⁰ V. Schmidtchen. *Ius in bello und militärischer Alltag – Rechtliche Regelungen in Kriegsordnungen des 14. bis 16. Jahrhunderts // H. Brunner (Hg.). Der Krieg im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit*. S. 25-56, особенно S. 27.

¹¹ См. напр.: C. Sieber-Lehmann. *Spätmittelalterlicher Nationalismus. Die Burgunderkriege am Oberrhein und in der Eidgenossenschaft*. Göttingen, 1995; Auer. S. 24 и след. Об “остракизме”, а также о попытках “гуманизации” войны против турок — см. статьи в сборнике: В. Guthmüller, W. Kühlmann (Hg.). *Europa und die Türken in der Renaissance*. Tübingen, 2000.

¹² Об этом типе войны см. чрезвычайно интересную статью M. Geyer. *Eine Kriegsgeschichte, die vom Tod spricht // Mittelweg*. 1995. N. 36. S. 57-77, 72. По проблеме колониальных войн как предшественниц войн тотального уничтожения см.: G. Krüger. *Kriegsbewältigung und Geschichtsbewußtsein. Realität, Deutung und Verarbeitung des deutschen Kolonialkrieges in Namibia 1904 bis 1907*. Göttingen, 1999, в особенности S. 62 и след.

терминами того времени, в борьбе с белыми солдатами также не станут соблюдать правила ведения так называемой “цивилизованной” войны. Соответственно, военный противник обвинялся в падении нравов, если к военным действиям против “европейцев” привлекал формирования “дикарей”.¹³ Я упомяну в этой связи лишь один известный случай, когда использование Францией в 1870 году в качестве военной силы “турок”, т.е. алжирских военных формирований, вызвало возмущение в немецком обществе.

С давних пор религия играла важную роль в конструировании образа врага, призванного морально оправдать войну и помочь перебороть страх перед убийством, тем самым всячески содействуя преодолению сдерживающих барьеров. Религиозные обоснования войны могут быть заменены на светские и светско-религиозные. Примером последних являются идеологии, обещающие лучшее, более справедливое существование, во имя которого врагу отказывается в праве на жизнь. Революционные гражданские войны протекают именно по такому сценарию.

В Европе на исходе Нового времени (с конца XVIII в.) ключевую роль в процессах созидания внутреннего единства через резкое отграничение вовне начинает играть идея национальная или национально-государственная. Эта идея оказалась чрезвычайно могущественной в плане мотивации военных действий, т.к. в ней сочетались величественные мечты о будущем с политическими и общественными лозунгами равенства, переплетенными с представлением об этнически гомогенном народе, в распоряжении которого находится определенная территория и аппарат государственной власти. Во время войны нация присваивает себе сакральный статус, требуя от своих членов принесения в жертву собственных жизней и обещая за это вечную жизнь в сознании национального сообщества (*nationale Erinnerungsgemeinschaft*). Нация, находящаяся в состоянии войны, стремится к самообожествлению.¹⁴

¹³ См.: Ch. Koller. “Wilde” in “zivilisierten” Kriegen – Umriss einer vergessenen Völkerrechtsdebatte des kolonialen Zeitalters // *Zeitschrift für Neuere Rechtsgeschichte*. 2001. N. 23. S. 30-50.

¹⁴ См. об этом чрезвычайно интересное, но совершенно неустаревающее исследование С. С. О’Бриен. *God Land. Reflections on Religion and Nationalism*. Cambridge, MA, 1987. О соотношении нации и войны см. D. Langewiesche. *Nationalismus im 19. und 20. Jahrhundert: zwischen Partizipation und Aggression // D. Langewiesche. Nation, Nationalismus und Nationalstaat in Deutschland und Europa*. München, 2000. S. 35-54; P. Berghoff. *Der Tod des politischen Kollektivs. Politische Religion und das Sterben und Töten für Volk, Nation und Rasse*. Berlin, 1997.

Однако современной нации не принадлежит приоритет в деле мобилизации на войну, обеспечении коллективной готовности к войне, готовности убивать и быть убитым. Идеал гибели на войне во имя отечества, ограниченного в античные времена родным городом, был возведен христианством к идеалу смерти во имя вечной родины всех христиан. Но уже в средневековом сознании он снова спустился с небес на землю, когда христианская идея *corpus mysticum* была экстраполирована на светского властелина. Позднее его место заняло государство и, в конечном итоге, уже в Новое время – нация и идеологические учения. Эрнст Х. Канторович (*Ernst H. Kantorowicz*) блестяще представил в своей знаменитой статье “*Pro Patria Mori*”¹⁵ этот процесс, в котором главная роль неизменно отводилась оправданию войны и готовности пожертвовать своей жизнью в сражении.

Я не собираюсь дальше углубляться в проблематику вневременных констант в обосновании войны и поведении ее участников, но на одном аспекте этой проблематики необходимо все же остановиться подробнее. Антропологические дисциплины, исследующие человеческое поведение и отношение к войне, демонстрируют ограниченность одностороннего сведения военной проблематики и вопросов легитимации войны исключительно к государственному фактору. Несомненно, государства возникли в войне и оставались военными машинами. “Война создает государство, а государство – войну”¹⁶ — так звучит остроумная и меткая характеристика Чарльза Тилли (*Charles Tilly*). Однако мы бы заведомо сузили пространственные и временные рамки до Европы Нового времени, если, пытаясь ответить на вопрос о характере и легитимации войны, стали бы рассматривать ее исключительно как государственное действие. Мы бы оставили за скобками более ранние времена, а также основную часть военных конфликтов второй половины XX века. В конечном итоге, обойденным оказался бы и век европейских “войн государственного строительства” (*Staatsbildungskriege*), как называет Йоханнес Буркхардт войны раннего Нового времени,¹⁷ век, наполненный конфликтами иного рода — гражданскими и так называемыми

“нерегулярными войнами”, не являвшимися государственными (герилья, партизанская война, или, как тогда говорили, “малая война”).¹⁸

Государствоцентричный взгляд историков Нового времени на войну корректируется также обращением к опыту этнологов. Культурные антропологи предлагают богатый наглядный материал для исследований по войне, но при этом они отказываются от понимания войны как организованного государством акта насилия.¹⁹ Политология хотя и не заходит так далеко в своих определениях войны, но пытается, в свою очередь, найти подходящую дефиницию, которая бы учитывала явное превалирование, с тенденцией к росту, числа внутригосударственных военных конфликтов во второй половине XX в. Политологические исследования именуют войнами все продолжительные организованные столкновения, в которых, как минимум с одной стороны, участвуют правительственные войска.²⁰

¹⁸ Ср. с международными исследованиями: G. Schulz. *Die Irregulären: Guerilla, Partisanen und die Wandlungen des Krieges seit dem 18. Jahrhundert* // G. Schulz (Hg.). *Partisanen und Volkskrieg. Zur Revolutionierung des Krieges im 20. Jahrhundert*. Göttingen, 1985. S. 9-35; W. Hahlweg. *Typologie des modernen Kleinkrieges*. Wiesbaden, 1967; J. Kunisch. *Fürst – Gesellschaft – Krieg. Studien zur bellizistischen Disposition des absoluten Fürstenstaates*. Köln u.a., 1992; Он же., H. Münkler (Hg.). *Die Wiedergeburt des Krieges aus dem Geist der Revolution. Studien zum bellizistischen Diskurs des ausgehenden 18. und beginnenden 19. Jahrhunderts*. Berlin, 1999; О состоянии исследований, прежде всего, в области военной истории позднего Нового времени с обширной библиографией: Th. Kühne, B. Ziemann (Hg.). *Was ist Militärgeschichte?* Paderborn u.a., 2000.

¹⁹ Оривал (*Orywal*) (см. сноска 8) предлагает следующее определение: “Война является когнитивно-эмоционально мотивированным и структурно организованным действием агрессии или самозащиты одной организованной группы против другой; это действие направлено на достижение определенных целей с применением орудий убийства.” С. 41.

²⁰ Ежегодный мониторинг войн Гейдельбергского Института изучения международных конфликтов (*Heidelberger Institut für Internationale Konfliktforschung e.V.*) проводится по четырехступенчатой схеме, включающей *латентные конфликты* (1), *кризисы* (2), *серьезные кризисы* (3), *войны* (4) (цит. по: *Konfliktbarometer*. Bd. 9. 2000. *Jährliche Konfliktanalyse*; См. также в Интернете: www.konfliktbarometer.de). Похожая схема использовалась участниками проекта “*Correlates of War*” (Мичиганский университет, Анн Арбор), изучавшими все войны между 1816 и 1980 гг. (см.: M. Small, J. D. Singer. *Resort to Arms. International and Civil Wars, 1816-1980*. Beverly Hills, 1982). Тот же подход в дальнейшем был развит рабочей группой по изучению причин войны (*Arbeitsgemeinschaft Kriegsursachenforschung*) университета Гамбурга (см.: Gantzel и Gantzel. Сноска 3).

¹⁵ Ernst H. Kantorowicz. *Pro Patria Mori in medieval political thought* (1951) // Ernst H. Kantorowicz. *Selected Studies*. New York, 1965. Pp. 308-324; см. также O'Brien. *God Land*.

¹⁶ Charles Tilly. *Reflections on the History of European State-Making* // Charles Tilly (Ed.). *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, 1975. Pp. 3-83, 42.

¹⁷ J. Burkhart. *Der Dreißigjährige Krieg*. Frankfurt/M., 1992. S. 27.

То, что мы называем государственной властью, может измениться в конкретной ситуации до неузнаваемости. Совсем недавно Ханс Магнус Энценсбергер (*Hans Magnus Enzensberger*) в своей книге "Перспективы гражданской войны" (*Aussichten auf den Bürgerkrieg*) чрезвычайно образно представил новый военный сценарий, сформировавшийся во второй половине XX в.: государство как силовой монополист уходит в отставку, войны происходят без его участия, и даже если государство вмешивается в них, оно не в состоянии их выиграть, несмотря на превосходство в военной силе. Между войной и тем, что пытаются выразить с помощью отдельного понятия "терроризм", нет больше никакой видимой разницы. Благодаря мировым средствам коммуникации массовая резня превращается в массовое развлечение — указания этнологов на "развлекательный потенциал убийства", как, например, в случае боев гладиаторов в древнем Риме,²¹ находят здесь свое подтверждение. Но даже давно знакомые легитимации применения силы теряют в новом сценарии свое значение. Сегодня гражданские войны все еще "ведутся во имя каких-либо национальных конфликтов", но, как полагает Энценсбергер, это не более чем "остаточные обоснования", "несчастные лохмотья из исторической костюмерной".²²

Как бы мы не относились к реалистичности этой картины распада, при том, что драматические события сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне подтверждают худшие из прогнозов, не подлежит сомнению факт коррозии представлений о войне, характерных для Нового времени. Этот тип войны был настолько близок нам исторически, что историки даже не утруждали себя его определением, в то время как государственная политика руководствовалась им без какой-либо дополнительной рефлексии. Войны последних пятидесяти лет в своем подавляющем большинстве уже не являются государственными. Историк Вольфганг Райнхард задает в этой связи вполне обоснованный вопрос: не возвратит ли нас "война будущего" во времена, когда государство и война существовали независимо друг от друга?²³

II.

Во второй части я хотел бы обратиться к обозначенной Райнхардом проблеме и проследить в общих чертах, как менялись представления о

²¹ Дополнительная литература содержится у Gladigow. S. 158, который приводит также параллели с современными средствами массовой информации.

²² H. M. Enzensberger. *Aussichten auf den Bürgerkrieg*. Frankfurt/M., 1996. S. 23.

²³ W. Reinhard. *Geschichte der Staatsgewalt*. München, 2000. S. 359-363.

войне и ее легитимация в Европе начиная со средних веков и до наших дней. Начать я бы хотел с наблюдения одного эксперта, который задался вопросом: что отличало войны его времени, т.е. второй половины XIX в., от войн более ранних эпох? Ответ этого эксперта — немецкого генерал-фельдмаршала Хельмута фон Мольтке (*Helmuth von Moltke*) — на поставленный им же в "Истории немецко-французской войны 1870-71 гг."²⁴ вопрос звучал так: "Прошли те времена, когда небольшие профессиональные армии сражались ради династических целей, чтобы завоевать город, полосу земли и затем вернуться на зимние квартиры и заключить мир. Современные войны призывают целые народы к оружию, вряд ли найдется хоть одна семья, которой бы не коснулась эта беда. Война требует напряжения всех финансовых сил государства..."²⁵

Мольтке писал о войне, которая сделала его знаменитым. С еще большим успехом он мог бы обратиться к гражданской войне в Северной Америке, самой кровавой войне XIX столетия, за неполных четыре года унесшей жизни 620.000 солдат и тысячи оставившей калеками. Но, помимо многочисленных жертв, эта война положила начало процессу стирания границ между солдатами и гражданским населением. Шаг от войны кабинетной к войне массовой был сделан еще в ходе Французской революции. Теперь же намечился следующий шаг: от войны всенародной к войне тотальной.

Среди экспертов все еще идут споры о том, считать ли гражданскую войну в Америке "тотальной".²⁶ Некоторые относят начало процесса становления типа тотальных войн к периоду французских революционных войн. Однако само понятие *тотальной* войны получило распространение гораздо позднее, во время первой мировой войны, а во время второй мировой эта форма ведения войны достигла невиданного доселе размаха. *Тотальная война* в специальной литературе определяется по-разному. Часто предлагается определение, содержащее моральную оценку: тотальная война не знает различия между сражающимися ар-

²⁴ "Geschichte des deutsch-französischen Krieges von 1870-71". Напечатано в: Helmuth von Moltke. *Vom Kabinettskrieg zum Volkskrieg. Eine Werkauswahl* (Hg.). Bonn, 1992. S. 236-295.

²⁵ Там же. S. 241.

²⁶ S. Förster, J. Nagler (Eds.). *On the Road to Total War. The American Civil War and the German Wars of Unification 1861-1871*. Cambridge, 1997. Этот том появился в результате ряда конференций, итоги которых подводит Штиг Фёрстер (*Stig Förster*) в своей статье *Das Zeitalter des totalen Krieges, 1861-1945. Konzeptionelle Überlegungen für einen historischen Strukturvergleich // Mittelweg*. 1999. Bd. 36. N. 8. S. 12-29.

миями и гражданским населением. Действия фашистской Германии в Восточной Европе, например, были нацелены не только против неприятельских армий, но и против гражданского населения завоеванных территорий. В свою очередь, ковровые бомбардировки немецких городов союзнической авиацией также были направлены против мирных жителей.

Я сомневаюсь, что один только этот признак — целенаправленное истребление гражданского населения — действительно способен описать тотальную войну как совершенно новое явление. В этом случае тотальными пришлось бы объявить и Тридцатилетнюю войну, и войны средневековья и раннего Нового времени.²⁷ Панайотис Кондилис (*Panajotis Kondylis*) предлагает другое определение тотальной войны, которое исключает моральные критерии. Он называет основной отличительной чертой тотальной войны полное подчинение “тыла” “фронту” так, что основная часть населения и национального дохода обеспечивают войну. Эта форма войны, как считает Кондилис, непосредственно связана с высокой степенью развития индустрии и вооружений. “Развитая индустрия, высокая разрушительная сила оружия и равно высокие потери вооружения и боеприпасов в единоборстве военных машин, отчуждение оружия от воюющего индивида, а также мобилизация тыла вместе порождают “тотальную” войну. Только индустриальное общество делает возможным эффективное массовое производство и доставку военных товаров, которые затем находят сбыт в массовых армиях. И только на этой основе возникает тесная связь между “фронтом” и “тылом”²⁸ — таков главный признак тотальной войны по Кондилису.

Такое понимание тотальной войны исходит из тенденции, ставшей очевидной в ходе народной войны XVIII века, в войнах американской и французской революций. Что именно изменилось тогда в феномене войны, в способах ее ведения и, прежде всего, в ее легитимации? Чтобы ответить на этот вопрос, необходим экскурс в глубины истории.

²⁷ См.: Введение Н. Medick, В. von Krusenstjern. *Die Nähe und Ferne des Dreißigjährigen Krieges* / Н. Medick, В. von Krusenstjern (Hg.). *Zwischen Alltag und Katastrophe. Der Dreißigjährige Krieg aus der Nähe*. Göttingen, 1999. S. 13-36; О средневековой войне см.: Auer, Kortüm und Brunner...

²⁸ P. Kondylis. *Theorie des Krieges*. Clausewitz-Marx-Engels-Lenin. Stuttgart, 1988. S. 140. См. также: S. Förster. *Das Zeitalter des totalen Krieges // Mittelweg*. 1999, Bd. 36. N. 8. S. 12-29.

История Европы Нового времени отмечена тенденцией к огосударствлению внутри- и межгосударственного насилия, когда только государство имело право применять легитимированное насилие. Однако средневековье знало другую, особую форму войны (и не единственную, что следует подчеркнуть отдельно) — война как разрешение правовых споров между властью преобладающими. Данный тип войны не предполагал уничтожение противника, а лишь признание побежденной стороной правоты победителя.²⁹ Это представление о войне жило очень долго. Зафиксированное под названием “личной войны” (*der private Krieg*) в немецких лексиконах XIX в., оно не исчезло и в Новое время. Тем не менее, процесс государственного строительства Нового времени сопровождался огосударствлением войны и привел к формированию нового типа — “общественной войны” (*der öffentliche Krieg*), как она стала называться в лексиконах. К началу XVI в. князьям в значительной мере удалось сосредоточить в своих руках и монополизировать преимущественное право на войну. Оно стало выражать суть государственного суверенитета. Это государственно-политическое превращение было положительно отмечено в классических трудах и получило затем юридическую легитимацию.

Огосударствление войн не привело к уменьшению их числа, напротив, пытаясь закрепить за собой исключительное право на войну, государства все чаще прибегали к этому средству отстаивания своих интересов. В этом проявилась, говоря словами Рудольфа Шлөгеля (*Rudolf Schlögl*), “схожесть государства раннего Нового времени с организованным разбойничьим предприятием”.³⁰ Государство, претендовавшее на роль единственного полководца, превратилось в военную машину. Говоря точнее, государство Нового времени сформировалось в войне. Войны того времени в наименьшей степени походили на межгосударственные. Это были “войны государственного строительства” (*Staatsbildungskriege*) — выражаясь вновь словами Йоханнеса Буркхардта.³¹ Буркхардт развивает целую теорию, объясняющую природу

²⁹ См.: W. Janssen. *Krieg / Geschichtliche Grundbegriffe* 3. Необходимо подчеркнуть, что Янссен (*Janssen*) не смог осветить всех периодов и сторон средневековой войны. Для корректировки картины см. цитированные работы Auer, Brunner и Kortüm.

³⁰ R. Schlögl. *Bauern, Krieg und Staat. Oberbayerische Bauernwirtschaft und frühmoderner Staat im 17. Jahrhundert*. Göttingen, 1988. S. 21. См. в особенности G. Parker. *The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West 1500-1800*. Cambridge, 1996.

³¹ J. Burkhart. *Der Dreißigjährige Krieg*. Frankfurt/M, 1992. S. 27.

европейской воинственности раннего Нового времени.³² По Буркхардту, она являлась следствием троичной незавершенности модели европейской государственности той поры.

Во-первых, существовал “дефицит равенства”. Современная государственная система покоится на том, что государства изначально признают равноправие друг друга – принцип, который с самого начала не казался очевидным. Внедрение этого принципа происходило в начале Нового времени в ходе кровавых конфликтов, когда сопротивление претензиям универсалистской власти на верховенство сопровождалось одновременным предотвращением или признанием сословно-партикуляристских попыток государственного строительства — и то и другое приводило к войне, усугублявшейся распадом двойной имперской системы.

Во-вторых, Буркхардт констатирует наряду с дефицитом равноправия дефицит институционализации. И здесь он приводит две причины: с одной стороны – отсутствие стабильности, которое могло быть следствием того, что государства черпали свою стабильность исключительно из континуитета династической верхушки, а с другой – характерная для Нового времени форма организации армии и военной машины в целом. Солдаты-профессионалы, вне зависимости от того, были они ландскнехтами или же наемниками в регулярной армии, желали войны. Этносоциология стала бы говорить в этом случае о рынках насилия, среди которых “нововременные” образуют особый тип.³³ Буркхардт же делал следующий вывод касательно “дефицита институционализации”: “Таким образом, наличие не полностью огосударственных средств войны могло стимулировать еще не оформившегося полностью властелина к военным действиям – так проявлялся двойной институциональный дефицит государственного строительства раннего Нового времени с точки зрения военной истории.”³⁴

Наконец, в-третьих, к дефициту равенства и институционализации добавляется “дефицит автономии”. То, что Буркхардт пишет в этой связи, представляется особо интересным для нас. Государство, которое еще

не оформилось институционально, нуждается в крепких опорах. Три таких “опоры” оказались потенциально способными провоцировать военные конфликты. Прежде всего, это – конфессиональная опора. В религиозных войнах конфессиональный фактор проявлялся двояко: во-первых, стимулируя военное разрешение конфликтов, связанных с потребностями завоевания или защиты конфессионального имущества,³⁵ а во-вторых, порождая “религиозные войны второго типа” (как их называет Буркхардт), т.е. “конкурентную борьбу за лидерство в католическом мире”.³⁶ Вторая опора – государственная экономика, в которой Буркхардт также усматривает важный фактор войны. И, наконец, третья опора – характерная для Нового времени “историко-политическая культура”.³⁷ Буркхардт подчеркивает ее структурное постоянство.³⁸ Согласно Буркхардту, в этой картине заложена война в качестве “действия, настоятельно требующего воспроизведения”.³⁹ Такая культура памяти, как считает Буркхардт, поддерживала государство и провоцировала войну.

Воинственность раннего Нового времени, столь глубоко понята Буркхардтом, свидетельствует в пользу тезиса о взаимозависимости процессов государственного строительства и войны. Таким образом, традиция государственного строительства в войне не прерывается с наступлением Нового времени. И американская революционная война, и войны французской революции, наполеоновские войны и войны XIX в. были войнами государственного строительства,⁴⁰ хотя и в специфической национально-государственной форме. Данное наблюдение относится также и к большинству войн в Европе в XX столетии, включая войны современности, например, конфликты в бывшей Югославии и на периферии развалившейся советской империи. Война повсеместно сопровождала попытки расформирования старых государств и созда-

³⁵ K. Reppen. Was ist ein Religionskrieg? / он же. Von der Reformation zur Gegenwart. Beiträge zu Grundfragen der neuzeitlichen Geschichte. Hg. Klaus Götto, Hans Gunter Hockerts. Paderborn, 1988. S. 84-97.

³⁶ Burkhardt. Friedlosigkeit. S. 553.

³⁷ Там же. S. 561.

³⁸ Там же. S. 562.

³⁹ Там же. S. 568.

⁴⁰ Этот аспект войны за объединение Германии рассматривается Йоханнесом Буркхардтом в: Alte oder neue Kriegsursachen? Die Kriege Bismarcks im Vergleich zu den Staatsbildungskriegen der Frühen Neuzeit // Deutschland in den internationalen Beziehungen des 19. und 20. Jahrhunderts. München, 1996. S. 43-69.

³² J. Burkhardt. Die Friedlosigkeit der frühen Neuzeit. Grundlegung einer Theorie der Bellizität Europas // Zeitschrift für Historische Forschung. 1997, 24. S. 509-574; см.: он же. Religionskrieg // Theologische Realenzyklopädie. Berlin, 1997. Bd. XXVII. S. 681-687.

³³ G. Elwert. Gewaltmärkte. Beobachtungen zur Zweckrationalität der Gewalt // T. von Trotha (Hg.). Soziologie der Gewalt. Opladen, Wiesbaden, 1997. S. 86-101.

³⁴ Burkhardt. Friedlosigkeit. S. 548.

ния на их территориях новых. Становление государства без войны — явление в истории чрезвычайно редкое. В наши дни к таким исключениям относятся раздел Чехословакии и объединение двух Германий. Для предшествующего периода можно назвать разделение Норвегии и Швеции, Исландии и Дании, т.е. примеры мирного отделения территорий, осуществленных национальными государствами. Но это исключения, а в качестве исторического стандарта мы имеем войну как создательницу государства и государства, рожденные в войне.

С точки зрения исторического генезиса в Европе можно выделить три типа национальных государств, возникновение которых, хотя и с характерными различиями, почти всегда связано с военным насилием: трансформирующее, унифицирующее и сепаратистское национальные государства.⁴¹ В первом случае в национальное государство трансформируется государственное образование, на территории которого в течение многих столетий велась конкурентная борьба за власть. При таком варианте для возникающего национального государства задача централизации власти, которая часто осуществляется кровавыми методами, уже оказывается решенной. Эрнест Ренан впечатляюще описал этот процесс в своем известном докладе *“Qu'est-ce qu'une nation?”* в 1882 г.: “Объединение всегда происходит с применением жестокости. Объединение Северной и Южной Франции явилось результатом почти целого столетия истребления и террора.”⁴² Революционеры 1879 г.

⁴¹ Эта типология применяет (и корректирует) понятия, предлагаемые Теодором Шидером (*Theodor Schieder*) и Михаэлем Манном (*Michael Mann*). Шидер различал “интегрирующее национальное государство западноевропейского типа”, “унифицирующее национальное государство” (Германия, Италия) и “сепаратистское национальное государство” (происходящее из наднациональных империй, таких, как, например, Габсбургская). См. собрание его статей: *Nationalismus und Nationalstaat. Studien zum nationalen Problem im modernen Europa* / Hg. v. Otto Dann, Hans-Ulrich Wehler. Göttingen, 1991, 1992. Формулировка “интегрирующий” может восприниматься неверно. Она не затрагивает насилие и укрепление власти, которые были связаны с интеграционным процессом, и умалчивает о том, что также и в других двух типах речь идет об интеграции. Михаэль Манн указывает в своей классификации на проблему укрепления власти или ее падения в период строительства или распада государств. Он различает три типа: “нация, укрепляющая государство” (в качестве основных примеров приводятся Франция и Британия), “создающая государство” (Пруссия-Германия) и “подрывающая государство” (Габсбургская монархия). М. Mann. *The Sources of Power. Vol. II: The Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914*. Cambridge, UK, 1993. P. 218.

⁴² *Oeuvres Complètes de Ernest Renan / Édition définitive établie par Henriette Psichari*. Tome 1. Paris, 1947. P. 891. Немецкий перевод Hennig Ritter: Ernest Renan. Was ist

сформировали национальное государство, используя наследие абсолютизма, но отказаться от внутренней и внешней войны они не смогли.

При унифицирующем и сепаратистском вариантах реформирование уже существовавшего централизованного государства было невозможно. Здесь возникновение национального государства происходило или путем принудительного включения нескольких государств в единую нацию, или через расчленение государств, состоящих из нескольких наций, на отдельные национально-государственные единицы.

Тип трансформирующего национального государства выбрал и преобразовал территориальное, а частично и институциональное наследие предшествовавших ему династических государств. Этот тип распространен только в Западной Европе: Англия, Нидерланды, Франция, а также Швеция, Испания и Португалия. В отличие от них национальные государства, возникшие в XIX в., принадлежали к типу унифицирующего или сепаратистского национального государства или сочетали в себе оба этих типа, как, например, Италия и Германия. Чтобы создать итальянское национальное государство, понадобилось объединение существующих разрозненных государств и одновременное вычленение северо-итальянских областей из Немецкого союза и Габсбургской империи. Так же и в Германии: образованное в 1871 г. национальное государство потребовало унификации почти сорока отдельных государств и одновременной сепарации территорий, принадлежавших Габсбургской монархии. И то и другое осуществлялось методами военного насилия. Подобный сценарий применялся повсеместно, не только в Италии и Германии. Драматичнее всего события развивались там, где разваливались многонациональные империи (Османская и Габсбургская) или же где они сохраняли свои контуры в ходе революционного насилия при полном изменении государственного и общественного строя. Последнее относится к России.⁴³

eine Nation? und andere Schriften. Wien/Bozen, 1995. S. 45. О процессах государственного образования в Европе см.: Reinhard. *Geschichte der Staatsgewalt*.

⁴³ См. A. Roshwald, *Ethnic Nationalism and the Fall of Empires. Central Europe, Russia and the Middle East, 1914-1923*. London, 2001; P. F. Sugar, *East European Nationalism, Politics and Religion*. Aldershot, 1999; он же. *Nationality and Society in Habsburg and Ottoman Europe*. Aldershot, 1997; M. Teich, R. Porter (Eds.). *The National Question in Europe in Historical Context*. Cambridge, 1993; A. Kappeler. *Russland als Vielvölkerreich*. München, 1992; J. Baberowski. *Auf der Suche nach Eindeutigkeit. Zivilisatorische Mission, Nationalismus und die Ursprünge des Stalinismus in Azerbaidžan*. Habilitationsschrift. Tübingen, 2000. Все еще актуально: E. Lemberg. *Nationalismus*. 2 Bände. Reinbek, 1964.

За исключением уже названных немногочисленных случаев, успех унификации и сепарации зависел исключительно от войны. Таким образом, национальные государства, основанные с помощью объединительного и сепарационного насилия, добивались того, что уже было достигнуто западноевропейским трансформационным типом в процессе национально-государственного строительства. Войны периода распада Советского Союза лишней раз подтверждают это наблюдение. Первая мировая война и ее кровавое продолжение стали высшей точкой процесса насильственного государственного строительства во имя нации. Йозеф Рот (*Joseph Roth*), одно из стихотворений которого стало печальным памятником ушедшей многонациональной империи Габсбургов, видит в ее конце символ “полностью победленного европейского мира”. На “съедение” этого “трупa” Рот собирает распутных представителей “новорожденных наций и сепарационных государств” в *American Bar* в “благонравном городе Цюрихе”, где каждую ночь опустившийся русский банкир пляшет в короне “очередного свергнутого монарха”.⁴⁴

Таким образом, государственное строительство при помощи войны имеет давнюю историю. Тем не менее, в конце XVIII столетия, в ходе французской и американской революций, проявляется нечто фундаментально новое, намечается разрыв всемирно-исторического масштаба, приведший к качественному изменению современной войны, к появлению новой легитимации, новой динамики войны, к невиданному размаху насилия, к новым взаимоотношениям армии и гражданского населения, к до того неизвестным тотальным масштабам войны. Этот разрыв описал Карл фон Клаузевиц (*Carl von Clausewitz*) в своей знаменитой, опубликованной посмертно, книге “О войне” (*Vom Kriege*). Теория войны Клаузевица до сих пор является точкой отсчета для всех военных историков, даже если они пишут свои книги с целью опровергнуть Клаузевица, как, например, уже упоминавшийся ван Кревелд (“*Будущее войны*”) или же другой широко известный британский военный историк Джон Киген, автор работы “История войны” (*A History of Warfare*).⁴⁵

В отличие от обоих вышеназванных экспертов военной истории Клаузевиц, хотя и развивает теорию, которая отдает войну на откуп государству, делает это с точки зрения антрополога, сознающего, что го-

товность к достижению собственных интересов при помощи насилия есть вневременной основной признак человеческого существа.⁴⁶ Война, говорит Клаузевиц, является “актом взаимного уничтожения”.⁴⁷ Социальный историк, Клаузевиц указывает, что повышение культурного уровня не влияет напрямую на характер этого “акта взаимного уничтожения”, и современные военные исследования должны поддержать его вывод. Клаузевиц предлагает пути рационализации и политической канализации этой крайней формы насилия; возможность ее полного устранения противоречит его представлению о человеке. В своей теории войны он соединяет антропологию и историю.

Революция, основательно продуманная и включенная Клаузевицем в его теорию войны, в конце XVIII века меняет не только государство и общество, но и саму войну.⁴⁸ Революционная война не является больше кабинетной, а перерастает в народную. Война “демократизируется” в трех измерениях.

Во-первых, войной теперь распоряжается не глава династии – король, а новый суверен – нация; народ должен быть убежден в необходимости войны. **Во-вторых**, война становится на службу революционной нации. Цель войны не совпадает с интересами монарха – сражения ведутся только за победу революции: сначала внутри страны, а затем и вовне, для обеспечения ее безопасности, защиты против враждебного окружения. Наконец, революция при помощи насилия распространяет свои представления о новом обществе за пределы собственного государства, чтобы принести демократию другим народам. Революционная война превращается в миссионерскую войну во имя демократии. **В-третьих**, эта новая форма легитимации войны требует, в свою очередь, новой формы военных действий. Время профессиональных армий, состоящих из наемных и принудительно рекрутированных солдат, кануло в лету. Профессиональная армия переживает свой закат вместе с государственной формой абсолютизма. Революция создает для себя новый тип армии и солдата. Революция, стоящая на службе нации, принципиально требует от каждого мужчины готовности сра-

⁴⁶ C. von Clausewitz. *Vom Kriege* (впервые напечатана в 1832/34 гг.) / *Kriegstheorie und Kriegsgeschichte*. Carl von Clausewitz, Helmuth von Moltke. Frankfurt/M., 1993 (Bibliothek und Geschichte der Politik, Bd. 23). Лучше всего у Panajotis Kondylis. *Theorie des Krieges*. Clausewitz-Marx-Engels-Lenin. Stuttgart, 1988. S. 12 и след.

⁴⁷ Clausewitz. S. 240 (3.18).

⁴⁸ См.: D. Langewiesche (Hg.). *Revolution und Krieg, Zur Dynamik historischen Wandels seit dem 18. Jahrhundert*. Paderborn, 1989.

⁴⁴ *Die Büste des Kaisers* (1935) // Joseph Roth. *Werke* 5 / Hg. v. Fritz Hackert. Köln, 1989, цит. S. 665 и след.

⁴⁵ J. Keegan. *A History of Warfare*. New York-London, 1993 (нем. перевод: *Die Kultur des Krieges*. Reinbek, 1997. S. 21).

жаться в войне за национальное существование. Всеобщая воинская обязанность стала обратной стороной идеала гражданского равноправия для мужчин.⁴⁹ Равенство — этот революционный лозунг — подразумевает не только равные права, но и равные обязанности, включая обязанность мужчин служить в армии. Невиданные успехи революционных армий убедили даже противников революции в превосходстве принципа воинской повинности. Ему принадлежало будущее.

Описанные процессы были революцией войны, ее организации и легитимации.⁵⁰ Знаменитая формулировка Клаузевица о войне как продолжении политики другими средствами полностью исходила из нового типа войны, мощь которой он лично наблюдал, будучи прусским офицером. Он четко обозначил отличие народной войны от кабинетной войны абсолютистских монархов: «Война сообщества народов, а именно образованных народов, исходит всегда из политической ситуации и вызывается только политическими мотивами. Таким образом, это политический акт».⁵¹ Продолжая, Клаузевиц отмечает: «Чем грандиознее и многочисленнее мотивы войны, тем шире охвачено ими бытие народов, тем сильнее напряжение, предшествующее войне, тем скорее война принимает очертания своего абстрактного образа»,⁵² т.е. становится «войной-уничтожением во имя политического бытия».⁵³

Народная война, как заметил Клаузевиц, будет отличаться от войн предшествующего периода, цели которых определял монарх, а не «массы».⁵⁴ Теперь только ссылка на нацию и ее реальные или мнимые интересы оправдывает войну. Нация становится новым богом войны — это отразилось в американской и французской революциях и стало европейской реальностью в 1848 г. Новая легитимация войны родилась в революциях конца XVIII в. и утвердилась в XIX в. С тех пор войны могут вестись только тогда, когда они воспринимаются населением как национальные, как войны во имя национальных интересов.

Правда, если война происходит между национальными государствами, проведение границы между интересами правительства и народа становится невозможным. Такая война (народная или национальная)

⁴⁹ См. сборник U. Frevert (Hg.). *Militär und Gesellschaft im 19. und 20. Jahrhundert*. Stuttgart, 1997.

⁵⁰ См.: G. Best. *War and Society in Revolutionary Europe, 1770-1870*. Leicester, 1982.

⁵¹ Clausewitz. S. 36.

⁵² Там же. S. 37.

⁵³ Там же. S. 50.

⁵⁴ Там же. S. 26.

требует и создает иные образы врага, нежели старые кабинетные войны; изменяются военные цели; война ведется по-другому и с большими потерями. Некоторые современники, сравнивая американскую и немецкую объединительные войны, приходили к выводу о том, что американская демократия была предрасположена к ведению войны, требующей больших жертв, в сравнении с государствами, в которых, как, например, в Германии, монарх обладает большими прерогативами в качестве государственного лидера и призыв к нации имеет второстепенное значение.⁵⁵ Один внимательный наблюдатель писал еще в 1845 г.: «Война наций усматривает в каждом члене враждебного народа своего противника, который должен быть уничтожен или, по меньшей мере, обезврежен».⁵⁶ Такая точка зрения предсказывает тотальную войну XX в., такую войну, которая вовлекает все общество и забирает все его силы.

В заключение следует все же подчеркнуть, что нельзя забывать один момент: вышеприведенные сравнения и предсказания отталкивались от наблюдений над тем типом войны, который находился в стадии исчезновения, т.е. над кабинетной войной раннего Нового времени. Но является ли перелом 1800 г. действительно фундаментальным в истории войны, если его рассматривать не только на фоне короткого периода войн государственного строительства в Европе Нового времени, а поместить в другой сравнительный контекст, учитывающий и предшествующий опыт, и военную историю середины XX в.? Над этим вопросом стоит задуматься. Расширение временных и методологических рамок исследований, обращение к опыту других дисциплин я считаю одной из важнейших задач будущей военной истории. Только так можно будет выявить специфические культурные и универсальные характеристики феномена войны. Исторические военные исследования,

⁵⁵ «...опыт учит, что война становится более продолжительной, дорогой, кровавой и ужасной, если ведется неорганизованными и плохо дисциплинированными войсками, и если при этом апеллируют к народу и разжигают его страсти». Дани (*Dann*) сравнивает «сецессионную войну в Северной Америке», характеризовавшуюся большими человеческими и материальными потерями, с прусско-австрийской войной. К сравнению, которое должно продемонстрировать преимущество немецкой государственной и военной организации, привлекается и Парижская Коммуна. Статья «Война» (*Krieg*) в: *Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste* / Hg. v. J. S. Ersch und J. G. Gruber. Zweite Section H-N, Fasc. 39 u. 40. Leipzig, 1886/87. S. 380-388, 383.

⁵⁶ J. Weiske. *Rechtslexikon für Juristen aller Teutschen Staaten*. Bd. 6. 1845. S. 221, цит. по Janssen. S. 592.

считающие себя частью исследований феномена мира, должны уметь проводить это различие и сочетать традиционный подход историка с изучением антропологических констант большой длительности. И здесь мы стоим в самом начале пути.

SUMMARY

The events of September 11, 2001 have for the first time demonstrated to a wider public what studies of war had brought to light already some time ago. Since the end of World War II, war between states has become rare. The vast majority of wars today represent acts of violence between a state and a non-state actor/group. As this kind of modern war takes place mainly in Africa and Asia, it has hardly been taken note of by the European and North American public. Yet this dominant form of war since the middle of the twentieth century repeals the state's monopoly on war that European states have largely been able to assert since the sixteenth century.

What does this repeal of a development, in the course of which the state became the bearer of the monopoly on legitimate violence (Max Weber), mean for historical research on war? The essay discusses this question taking two approaches: one asks for the significance of anthropological constants as regards the readiness of humans to wage war. Throughout the history of humankind, dehumanizing the enemy, for example, appears to have been an important presupposition to make humans ready to accept the killing of the other as legitimate. Rules of conduct that also applied and were observed during war are being invalidated against someone culturally different.

In a second approach, the essay asks for the change in conceptions and legitimization of war from the Middle Ages to the present. Particular attention is given to the question how the idea of the modern nation has changed the perceptions of war. The caesura in the legitimization of war that occurred around 1800, hitherto unsurpassed, has been put for the first time into a theoretical framework by Carl von Clausewitz. His theory, however, only applies to the kind of war that has become dominant in Europe and North America since the sixteenth century, i.e. the war between states. The wars of earlier times as well as the wars of the present do not conform to this type of war. To analyze them, interdisciplinary cooperation, in particular between historical and ethnological research, is necessary.